

ИССЛЕДОВАНИЕ АНТРОПОСОЦИОГЕНЕЗА

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-2/277-290

Научная статья

© В. А. Воронцов

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ И ОБОБЩАЮЩИЕ ПОТЕНЦИИ ТЕРМИНА «БРИКОЛАЖ» ПРИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДЛЯ ОСВЕЩЕНИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

В статье показано, что термин «бриколаж» обладает большими объяснительными и обобщающими потенциями, позволяющими с единых позиций рассмотреть и выработать предельно аргументированный взгляд на исходную среду обитания человека, на исходный культурный слой, на исходные формы осмысленного производства, знакового поведения, мышления, мифологизированного сознания. Использование этого термина актуально для широкого комплекса дисциплин, занятых изучением природы человека, общества, культуры.

Ключевые слова: бриколаж, исходный культурный слой, ручная речь, ручное мышление, мифогенез, антропосоциогенез

Ссылка при цитировании: Воронцов В. А. Объяснительные и обобщающие потенции термина «бриколаж» при его использовании для освещения фундаментальных проблем социально-культурной антропологии // Вестник антропологии. 2023. № 2. С. 277–290.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-2/277-290

Original article

© Vladimir Vorontsov

THE EXPLANATORY AND GENERALIZING POTENTIAL OF THE TERM “BRICOLAGE” WHEN USED TO HIGHLIGHT FUNDAMENTAL PROBLEMS OF SOCIOCULTURAL ANTHROPOLOGY

The article shows that the term “Bricolage” has great explanatory and generalizing potential that allows us to consider and develop a perfectly reasonable view of the original human environment, the original cultural layer, the original forms of mean-

Воронцов Владимир Александрович — к. технич. н., старший научный сотрудник, Казанский институт евразийских и международных исследований (Российская Федерация, 420139 Казань, ул. Сафиуллина, 50а). Эл. почта: vorontsov.vladimir2010@yandex.ru

ingful production, sign behavior, thinking, and mythologized consciousness. The use of this term is relevant for a wide range of disciplines engaged in the study of human nature, society, and culture.

Keywords: *Bricolage, the original cultural layer, hand speech, hand thinking, mythogenesis, anthroposociology*

Author Info: Vorontsov, Vladimir A. — Ph.D. in Technical Sciences, Senior Researcher, Kazan Institute of Eurasian and International Researches (Kazan, Russian Federation). E-mail: vorontsov.vladimir2010@yandex.ru

For citation: Vorontsov, V. A. 2023. The Explanatory and Generalizing Potential of the Term “Bricolage” When Used to Highlight Fundamental Problems of Sociocultural Anthropology. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 2: 277–290.

Бриколаж (от фр. bricolage) — создание предмета или объекта из подручных средств, а также сам этот предмет или объект. Этот термин используется в целом ряде областей, включая искусство, философию, образование, антропологию, компьютерное программное обеспечение, бизнес. Бриколаж приводит к обнаружению у существующих материалов, объектов или символов принципиально новых качеств и значений. В сказках, мифах субъекты и объекты регулярно проявляют самые неожиданные свойства и способности. Это побудило К. Леви-Строса считать бриколаж характерным для менталитета людей традиционного общества. Он утверждал, что «мифологическая рефлексия выступает в качестве интеллектуальной формы бриколажа» (Леви-Строс 1994: 130).

С бриколажем, причём не только интеллектуальным, все люди знакомятся с первых минут своего бытия, когда они оказываются во власти «гигантов» (больших, взрослых), порождающих рукотворный мир, исходный культурный слой, да и самих людей. Среди «гигантов» выделяется мать (Мать-Земля), которая согласно мифам и очевидным фактам является гумусом, из которого формируется человек. Материнские руки, ладони (долони) являются первыми материками, долинами, которые осваивает человек. Руки матерей способны трансформироваться в предельно архаичные ностратические (наши) знаковые системы, а также порождать ностратические (наши) убежища, транспортные средства, водоемы, маски, миски, указки, гребни, утирки, счётные и мерные системы, которые детально отражены в мифах и волшебных сказках.

В разумном духовном мире, воплотившим святое родительское чувство, младенцы учатся с огромным энтузиазмом демонстрировать свою любовь к близким, готовность всем делиться с ними. Это даёт основание трактовать исходные формы бриколажа в качестве исходного средства инкультурации, социализации членов общества. Выступая в роли первого культурного и социального лифта, материнские руки обеспечивают переход младенцев из животного состояния в социальную жизнь, наделяют его качествами, которые высоко ценятся в обществе и вызывают восторг у окружающих. «Отбиваясь от рук», дети зачастую утрачивают былой энтузиазм в манифестации своих душевных качеств, социальных потенциалов. Эти утраты глубоко огорчают их матерей и побуждают их вновь и вновь вспоминать о изначальных благодатных временах, когда люди беззаботны, ничего не знают о смерти и питают искреннюю любовь к ближним. Горестные сентенции матерей о «золотом веке»

не могли не оформиться в соответствующие мифологемы, которые образуют ядро развитых мифологических систем.

Исходные жизненно важные формы бриколажа не привлекли внимание К. Леви-Строса. Это побудило его связывать истоки мифологического бриколажа с проблемами, решаемыми в рамках чистого умозрения: посредством классификации, медиации и т. д. Исходные формы бриколажа, породившие колыбель человечества, исходная экологическая ниша, исходный социальный лифт, исходный социум, исходная культурная среда оказалась вне поля зрения и других исследователей. Это вызвало к жизни массу проблем при попытках осветить многие вопросы, касающиеся антропосоциогенеза, включая мифогенез. В данной статье предпринята попытка раскрыть объясняющие и обобщающие потенции термина «бриколаж» при освещении ряда сюжетов, связанных с антропосоциогенезом.

Связь бриколажа с исходной средой, исходным культурным слоем и социальным лифтом

Дикая природа, которая несёт прямую угрозу приматам, их детям зачастую таится в них самих. Вооружать обезьяну копьём, топором, молотком крайне опасно без её предварительного очеловечивания. Опасность подобного рода орудия представляют и для их владельцев, и ближайшего окружения. Особую угрозу они несут детям, склонным использовать опасные предметы без всякого разумения. Любая мать чисто инстинктивно чувствует, что ребёнок должен стать человеком задолго до того, как сделает свой первый шаг, возьмёт в руки вилку, нож, копьё или молоток. Это даёт основание связывать колыбель человечества, исходный культурный слой, исходный социальный лифт с материнскими руками, обеспечивающими базовые формы социализации, инкультурации. Именно с материнскими руками, с бриколажем связана исходная осмысленная форма производства: производство человека, социума.

О том, что социализация, инкультурация людей должны предшествовать фабрикации и использованию ими орудий знают врачи, допускающие людей к работе, специалисты в области охраны труда, организаторы производства, несущие персональную ответственность за жизнь и здоровье людей. Истоки подобного рода знаний связаны не только с материнским инстинктом, но и с весьма трагическим опытом, который традиционно игнорируется в широком комплексе дисциплин при попытках пролить свет на истоки осмысленного производства, на природу человека, мифологизированного сознания.

Использовать опасные орудийные системы предки человека начали на самом раннем этапе антропосоциокультурогенеза. К такого рода орудиям относится палка-копалка (копьё), которая позволяет добывать подножный корм, охотиться, отбивать добычу у хищников, падальщиков. Я. Линдبلاد в своей книге «Человек — ты, я и первозданный» отметил: «Вплоть до недавнего времени практически все народы первобытной культуры пользовались копьем, — и с каким успехом! Рассказывают, что пигмеи в одиночку убивали слона: бесстрашно и расчетливо они в сумерках леса подбегали сбоку к пасущемуся великану и вонзали ему копьё прямо в сердце!» (Линдبلاد 1991: 181). Против копья бессилён и кит.

Копьё позволяет отбивать добычу у хищников, падальщиков и у своих ближних. Факты побуждают исследователей говорить о том, что появление у приматов эф-

фактивного вооружения индивидуального пользования инициировало расцвет зоологического индивидуализма, способствовало их превращению в нелюдей, в кровавых хищников-каннибалов и представляло реальную угрозу их существованию. Ю. И. Семёнов в своей книге «Как возникло человечество» пишет: «Предлюди были хищниками, владевшими искусством убивать довольно крупных животных дубинами из дерева, кости и камня. Несомненно, что эти орудия они должны были пускать во время драк между собой. Использование дубин и камней в драках имело следствием серьёзные ранения и нередко вело к смертельному исходу» (Семёнов 1966: 132). Он также утверждает: «Зоологический индивидуализм в стаде предлюдей достиг своего наивысшего развития и подрывал сам себя, ибо в большей и большей степени становился угрозой самому существованию предлюдей» (Семёнов 1966: 133).

Зоологический индивидуализм не мог подрвать себя сам. «Подорвать его мог только зоологический альтруизм, который был введён в культуру и породил антропосоциокультурогенез, истоки которого коренятся не в способности производить оружие, а в способности не использовать любой вид оружия при определении социального статуса, дележе пищи, самок, во время игр, ссор» (Воронцов 2012: 63).

Бриколаж позволяет пролить свет на первый социум, породивший культурную среду, социальный лифт. Рука руку моет. Сближаясь («не разлей вода»), руки формируют рукотворные водоёмы, меры, миры. С руками матери связаны самые первые представления о сотрудничестве. Материнские руки могут обручаться, понести ребёнка, кормить, развлекать, а также обучать разным навыкам, включая навыки общезжития. В одной из своих последних публикаций мы уже высказывали мысль (Воронцов 2023: 213–218), что именно руки матери должны рассматриваться в качестве исходной семьи, нашедшей отражение в мифологизированном сознании. Эта семья возникла задолго до появления семьи в современном понимании этого слова и хорошо знакома абсолютно всем приматам. Именно эта семья породила семиозис, способный отразить исходный рукотворный универсум, исходный социум.

Материнские руки породили такие культурные, мифологические и сказочные архетипы, как мужчина, женщина, обручение, семья, брак, лево, право, низ, верх. Всё это нашло отражение в самых разных семиотических системах, включая звуковые языки. Так, например, автор книги «Удивительный мир слов и значений», написанной на материале 100 языков, М. М. Маковский констатирует: «Значение „левый“ соотносится со значением „женщина“, а „правый“ — со значением „мужчина“; оба указанных значения могут восходить к значению „рука“» (Маковский 1989: 18).

Бриколаж позволяет пролить свет на природу сказочных и мифических близнецов. Две руки примата, в которых течёт одна кровь, появляются на свет в одно время, из одного чрева, поэтому их с полным основанием можно назвать близнецами. Не следует удивляться тому, что в мифах часто в качестве первых супругов фигурируют близнецы, сёстры и братья. Близнецная тема присутствует среди наиболее ранних мотивов-архетипов в самых разных культурах и религиях, причём у племён и народов, проживающих в самых различных частях ойкумены.

Две руки человека могут обручиться ещё в чреве матери. Это нашло отражение в близнецных мифах. Весьма древним мифом подобного рода является индийский миф о любви сестры Ями к собственному брату-близнецу Яме, изложенный в Ригве-

де. Согласно утверждению сестры, добывающейся любви брата, «еще в утробе пра-родитель создал нас двоих супругами» (*Ригведа*: X, 10,5).

Связь бриколажа с исходной знаковой системой и исходной формой мыслительного процесса

Культивирование человека невозможно без семиотической системы, позволяющей предельно наглядно знакомить ребёнка с окружающей его действительностью, с первым социумом, а также с внутренним миром близких людей. Руки матерей способны не только манифестировать исходную культурную среду, исходный социум, их потенции, но и различные чувства: любовь, ненависть, страх, боль, холод, голод и т. д. Это даёт основание рассматривать материнские руки, исходную форму бриколажа в качестве исходной семиотической системы, которую с полным основанием можно назвать ностратической (нашей) для всех приматов. Ностратическая семиотическая система оказалась способной порождать предельно наглядные ностратические образы, сюжеты, которые близки и понятны абсолютно каждому примату, включая младенцев. Эти образы и сюжеты лишь со временем отразились в звуковом языке и стали трактоваться как мифологические и сказочные универсалии, архетипы.

В. Я. Пропп был глубоко прав, утверждая, что все сказания изначально демонстрировались: «То, что сейчас рассказывают, некогда делали, изображали...» (*Пропп* 1946: 353). М. Хайдеггер обнаружил чисто лингвистическое подтверждение мысли о том, что сказания изначально показывались. В своей работе «Путь к языку» он писал: «Помня о древнейшем употреблении этого слова, мы будем понимать сказ от сказывания в смысле показывания и употребим для обозначения такого сказа, насколько в нём покоится сущность языка, старое, достаточно засвидетельствованное, но умершее слово *каз*» (*Хайдеггер* 1983: 265).

Есть все основания полагать, что сказки (укр. *казки*) также изначально показывались. Показываются они и сейчас. Специалистам, изучающим детский фольклор, хорошо известно, что персонажи и сюжеты многих сказок визуализируются в ходе пальчиковых игр с детьми младшего возраста. Есть все основания полагать, что и басни (укр. *бачення* «видение») изначально демонстрировались.

Всё чаще высказывается мысль о том, что и истоки мифов не связаны со звуковым языком. Так, например, философ, мифолог и искусствовед М. С. Кухта в своей книге «Истоки искусств» пишет: «Использование звуковой оболочки совершенно необязательно для проявления мифического слова, пластическим модусом которого являются ритуально-магические практики во всем многообразии жестов, мимики, обрядовой символики» (*Кухта* 2010: 37).

Приоритет жестовой речи обоснован в трудах многих авторитетных философов и специалистов разного профиля. Так, например, В. Вундт привёл множество фактов, которые свидетельствуют, что в становлении вторичных знаковых систем огромную роль сыграл естественный безусловный язык тела, который не требует предварительной условности и способен обеспечить становление вторичных языков, включая звуковой язык. Вундт трактовал артикуляцию как внутренние жесты, которые дублируют внешнюю жестикуляцию, неразрывно связанную с мыслительным процессом. Очевидно, что только соотнесение первичного образного языка с вторич-

ным «безобразным» звуковым языком смогло придать последнему смысл. По этому поводу Вундт пишет: «Итак, очевидно, что указательный корень соответствует указательной пантомиме, а предикативный корень — изобразительной пантомиме. Указательный жест также указывает на частности, на предметы присутствующие и на их взаимное отношение. Таким образом, указательный корень только обращает указательную пантомиму в звук. Изобразительная пантомима старается скопировать представление и тем вызвать такое же представление в воображении другого. Следовательно, предикативный корень только переводит изобразительную пантомиму в звук» (Вундт 1868: 38).

О существовании связи между языком жестов и звуковым языком свидетельствуют также этнографические наблюдения. Так, например, Л. Леви-Брюль, ориентируясь на опыт американского археолога и этнолога Ф. Кашинга (Кэшинга), жившего среди индейцев, освоившего их звуковой и жестовый языки, а также установившего генетическую связь между звуковым языком и языком жестов, популяризировал в своей книге «Сверхъестественное в первобытном мышлении» метод, позволяющий понять особенности первобытного мышления. Он писал: «Благодаря его терпению он „вернул свои руки к их первобытным функциям, заставляя проделывать всё то, что они делали в доисторические времена, с теми же материалами, и в тех же условиях, которые характеризовали эпоху, когда руки были так связаны с интеллектом, что действительно составляли его часть“. Прогресс цивилизации имеет своим источником взаимное воздействие руки на ум и ума (esprit) на руку. Следовательно, для того, чтобы воспроизвести мышление первобытных, нужно вновь найти те движения рук, в которых язык и мысль были ещё нераздельными. Отсюда и берётся смелое, но знаменитое выражение „ручные понятия“. Первобытный человек, который не говорил без помощи рук, не мыслил также без них...

Говорить руками — это в известной мере буквально думать руками. Существенные признаки «ручных понятий» необходимо должны, следовательно, быть налицо и в звуковом выражении мысли» (Леви-Брюль 1994: 127, 128).

Ручная речь, вещественное вещание, вещее слово абсолютно тождественны с ручным мышлением, мыслью. В своих работах (Воронцов 2012 и др.) ранее мы отмечали, что вещественное вещание позволяет разглядеть, прочувствовать, осознать мифологическую мысль, пролить свет на природу универсальных сказочных и мифологических кодов, произвести реконструкцию изначальной формы и содержания архаичных мифов и сказок, пролить свет на истоки былин и легенд, в которых так ярко отразились потенции исходного социального лифта, исходного слова.

Изначальное вещее слово, слово-демиург, породившее исходный «социальный лифт», рукотворный мир, нашло детальное отражение в мифах и сказках самых разных народов. Так, например, в Евангелии от Иоанна утверждается: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

Исходная форма бриколажа, жестовое общение позволяют «реконструировать исходный звуковой язык, который отнюдь не канул в Лету» (Воронцов 2023: 116–119). Щепоть может не только беззвучно шептать. Спичи посредством щепоти могут сопровождаться щёлкающими звуками, которые мы до сих пор используем, сопровождая указательные жесты, подзывая животных, привлекая внимание, выражая досаду, задавая ритма, а также когда затрудняемся подобрать звуковое слово или пытаемся срочно вспомнить нечто актуальное. Щёлкающие звуки пальцев широ-

ко используются в ритуальных танцах, а также воспроизводятся специальными инструментами, что свидетельствует об их глубокой древности.

Щёлкающие звуки пальцев могут рефлекторно или сознательно дополняться щёлкающими звуками языка, которые породили второй звуковой протоязык. Принято считать, что цокающе-щёлкающие звуки этого языка утрачены в языках абсолютного большинства народов и сохранились только в небольшой группе языков Африки: языки койсанской группы. Между тем в изданном в 1890–1907 гг. в Санкт-Петербурге «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» в статье «Щёлкающие звуки» говорится следующее: «Как образчик губного Щ. звука можно привести звук обыкновенного поцелуя или того чмокания губами, которое употребляется для приманивания животных, понукания лошадей и т. д. Щ. переднеязычный глухой звук, образуемый на альвеолах кончиком языка (артикуляция корональная), имеется и в русском языке, частью в виде междометия легкой досады, частью, в детском языке и у взрослых, разговаривающих с маленькими детьми, не владеющими еще речью, в особом междометии, выражающем удовольствие, восхищение и т. п.» (Энциклопедический словарь 1904: 57).

Совершенный звуковой артикуляционный аппарат появился довольно поздно. Информационная катастрофа, связанная с распространением звукового языка в верхнем палеолите, вызвала не только отчуждение между ближайшими соседями, но и разрывало связь культур, связь времён. Мистифицирующие потенции звукового языка воистину безграничны. В этом языке даже описание кошки с тремя рогами и хвостом, свёрнутым в кольца, способно вызвать суеверный ужас, хотя это описание общеизвестной снасти. Без поддержки исходного жестового языка и связанного с ним ручного мышления терялись навыки математического моделирования, утрачивался исконный смысл традиционных учений, забывались образы богов, героев, извращался характер их подвигов, расцветали суесловие и мистицизм. Необходимость восстановить связь времён, а также решать чисто практические проблемы побуждала и побуждает всемерно развивать визуальный общепонятный символизм. С этих позиций вполне объяснимо широкое распространение графики, живописи в верхнем палеолите. В настоящее время наблюдается визуальный поворот, который сменил лингвистического поворот в широком спектре гуманитарных дисциплин. С конца прошлого века активно развивается новая междисциплинарная область, получившая название «визуальные исследования». Следует заметить, что в области точных наук, на производстве визуальный поворот произошёл уже очень давно, поэтому геометрия, черчение традиционно считаются языками науки и техники. Человечество изначально должно было осознать тот неоспоримый факт, что «лучше один раз увидеть, чем тысячу раз услышать». Изучение исходной формы бриколажа позволяет констатировать самый ранний визуальный поворот, доказавший свою эффективность при социализации, одомашнивании не только приматов, но и других существ.

Связь бриколажа с мифогенезом

Мать, «приучая к рукам» младенца, многократно воспроизводит изначальный рукотворный мир, манифестирует исходный социум, готовый принять ребёнка под свою опеку. Представители двух полов первого социума являются первым полом, первым куполом, первыми небом и землёй, которые со временем были спроециро-

ваны на макромир. Пясти-пасти рук породили представления о животных-предках человека. Не следует удивляться тому, что в архаичных мифах, сказках в качестве создателей рукотворной вселенной, различных культурных ценностей часто фигурируют животные-предки. Способность сказочных и мифических животных создавать исходную культурную среду, первые гнёзда, убежища не может вызывать сомнений. Именно с подобного рода антропоморфными животными связаны исходные представления о божествах, творцах.

Змееподобные руки матери является нашей первой опорой. Не следует удивляться тому, что слова змея и земля (*земель) (*Фасмер* 1967: 93, 100) имеют общий корень, который (по всей видимости) восходит к корню в слове *жменя* «пригоршня». Всё это делает объяснимым тот факт, что в архаичных представлениях о мироздании важное место отведено змее.

В русском фольклоре земля часто размещается на ките. По этому поводу А. Н. Афанасьев пишет следующее: «Между нашим простонародьем существует предание, что мир стоит на спине колоссального кита, и когда чудовище это, подавляемое тяжестью земного круга, поводит хвостом, то бывает землетрясение» (*Афанасьев* 1983: 195–196). Установить истоки этого предания можно, если учесть, что слово *кита* в целом ряде славянских языков означает «кисть» (*Фасмер* 1967: 240). Есть все основания полагать, что и град Китеж покоится на дне естественного водоёма — руки.

Животную природу имеет и мифический первозданный Хаос (нем. *Haus* — дом), породивший соответствующие представлений о первоначальном вместилище. В статье «Хаос» А. Ф. Лосев пишет: «Хаос (греч. *χάος*, *chaos*, от корня *cha-*, отсюда *chaino*, *chasco*, „зеваю“, „разеваю“; хаос поэтому означает, прежде всего „зев“, „зевание“, „зияние“, „развёрстое пространство“, „пустое протяжение“») (*Лосев* 1992: 579). «Он — мировое чудовище, сущность которого есть пустота и ничто. Но это такое ничто, которое стало мировым чудовищем, это — бесконечность и нуль одновременно» (*Лосев* 1992: 581). В «Происхождении богов. Теогонии» Гесиода Хаос также трактуется как нечто живое. В качестве одной из основных первопотенций он порождает из себя Эреб и Ночь. Следует заметить, что воспроизвести ночь можно, если наложить пясти-пасти на очи.

В качестве живого существа, которое может накормить, на которое можно забраться фигурирует и мифологизированное небо. Ш. Абрахамссон в своей книге «Происхождение смерти. Исследования африканских мифов» сообщает о существовании у африканского племени аманти мифа о том, что некогда верховное божество Оньяма жило близко к людям. В мифе говорится, что дети издревле «просили: „Дедушка Оньяме, дай нам мяса и добавку к нашей еде“, и мясо сразу сбрасывалось с неба. Но как-то раз старухе, толкущей в ступе фуфу, Оньяме помешал, и она попросила его немного отойти. Бог подчинился. Старуха, однако, потребовала, чтобы тот отступил ещё дальше. Разгневанный Оньяме навсегда скрылся ввысь на небе» (*Abrahamsson* 1954: 16). Очевидно, что отчуждение неба от человека произошло в ходе проецирования руки на внешний мир путём подъёма её над головой. В ходе такой проекции мифический представитель мужского пола обозначил и стал ассоциироваться с небесным куполом. Традиция побуждает попрошайничать даже у отчужденного неба. А. Афанасьев в книге «Мифы, поверия и суеверия славян» пишет, что сибирские шаманы при жертвоприношениях обращаются к небу с такой молитвой: «Отец Лысое

Небо! Младший сын плешивого Неба! Сделайте, чтобы я (имярек) был богат скотом, счастлив в промыслах и имел бы большую семью» (Афанасьев 2002: 123).

Говоря о сказочной и мифологической космогонии, «следует различать процесс формирования микрокосма и процесс проецирования микрокосма на макрокосм. В первом случае миф описывает брак, во втором — развод мифических супругов, порождённых близнечным моделированием». Именно с разводом мы имеем дело в случае с дедушкой Оньяме и старухой, отстранившей его.

Процесс формирования микрокосма посредством бриколажа зачастую имеет жизненно важные рефлекторные формы, поэтому мифы, отразившие этот процесс, предельно архаичны. Исследователи уже давно заметили, что истоки космогенеза нередко соотносят с браком. Часто этот брак представляется как изначальное существование неразделённого двуполого существа (андрогина), находящегося в вечном соитии. Г. А. Левинтон по этому поводу думает следующее: «Но даже и в тех мифах, где неразделённые земля и небо не представляются персонифицированной совокупляющейся парой, разделение их, производимое творцом, вызывает определённые брачные ассоциации: демиург раздвигает их и заполняет образовавшееся пространство (ландшафтом, народом и т. п.); при этом воздвигается мировая вертикаль (дерево, столп), соединяющая (как это имеет место в случае фаллоса Урана) и одновременно отделяющая небо от земли» (Левинтон 1992: 422).

Общеизвестный китайский миф о возникновении вселенной записан в книге «Хуайнянь-цзы». В этом мифе весь процесс мироздания рассматривается как результат взаимодействия и выделения мужского («ян») и женского («инь») начал, создавших небо и землю. «В глубокой древности, когда ещё не было ни неба, ни земли, мир представлял собой мрачный бесформенный хаос. И в этом мраке постепенно появились два великих духа — Инь и Ян, которые с огромным усилием начали упорядочивать мир. Впоследствии Инь и Ян разделились и установили восемь главных направлений в пространстве. Дух Ян стал управлять небом, дух Инь — землёю. Так был создан наш мир» (Юань Кэ 1987: 30).

Игнорирование бриколажа побуждает считать подобного рода мифы продуктом фантазии. Так, например, Э. Тайлор в книге «Миф и обряд в первобытной культуре», сообщив о космогоническом мифе у маори, пришёл к заключению: «Мифический вымысел, что небо и земля были отцом и матерью всего существующего на свете, естественно породил легенду, что в древнейшие времена они были соединены и только впоследствии были разлучены. В Китае та же идея космического родства сопровождается такой же легендой о разлуке. Я не берусь решать, существует ли тут историческая связь между мифологией Полинезии и Китая, но, без сомнения, древняя китайская легенда о разъединении неба и земли в первобытные времена Паньгу имела, по-видимому, такую же форму, как и полинезийский миф» (Тайлор 2000: 156).

Изначальное соитие неба и земли породило мифы о небесной земле, на которой человек изначально обитает, на которую он совершает первые путешествия. Советско-российский историк культуры Н. В. Брагинская с полным основанием пишет: «Путешествие героя на верхнюю землю, пребывание его у небесного народа — одна из главных сюжетных схем мифологии, героических сказаний» (Брагинская 1992: 207).

Материнские руки породили представления о небесных замках. Руки матери приобретают особую крепость, когда на них покоится ребёнок, а пальцы её рук сцепле-

ны в виде замка. Подобного рода сооружения для удерживания и переноски детей стали называться детинцами, замками, крепостями, мостами и т. д. В последующем, при возведении убежищ из дерева, камня, продолжала доминировать мысль о необходимости для прочности возводить подобного рода постройки, закладывая в них тела младенцев.

Поскольку все матери добровольно заключают своих детей в свои рукотворные замки, при закладке деревянного или каменного здания зачастую также требовалась добровольная жертва ребёнка. Об этом свидетельствуют многие сказания и легенды. Так, например, в Баварии, недалеко от гор. Ансбаха, в деревне Фестенберг сохранились развалины старого замка, принадлежавшего в самом начале средних веков знатному роду Vestenberg. В 1855 г. местная 80-летняя старуха рассказала об этом рыцарском замке следующее. Когда его строили, то сделали в стене особое сиденье, куда посадили ребенка и тут замуровали. Дитя плакало, и, чтобы его успокоить, ему дали в руки красивое красное яблоко. Мать продала этого ребенка за большие деньги. Замуровав ребенка, строитель дал матери его пощечину, говоря: «было бы лучше, если бы ты с этим своим ребенком пошла по дворам собирать милостыню!» (*Panzer* 1855, № 457).

Идея добровольного заклания ребёнка может принадлежать и отцам, которые также могут строить замки. Так, например, у югославов есть баллада, которая называется «Построение минарета Дервиш-паши». Баллада повествует о том, как построенный мастерами минарет обрушивался до тех пор, пока Дервиш-паша не решился пожертвовать своим сыном (Построение минарета 1989: 179).

Поскольку чаще всего детинцы возводят и удерживают на своём теле кормящие матери, широкий круг легенд, саг повествует о кормящих женщинах, принесённых в жертву при строительстве. Так, например, широко известна сербская сага о городе Скутари (Скадр), подробно изложенная в сербской народной песне «Постройка Скадра». Три года строили три брата Мрлячевича — король Вукашин, воевода Углеша и Гойко — крепость Скадр на р. Бояне. Строили они с тремястами мастеров и не могли возвести даже фундамента, так как каждый раз то, что успевали сделать мастера за день, вила ночью разрушала. Кончилось всё тем, что вила сама предложила заложить в фундамент крепостной башни жену одного из трех братьев-строителей. Пострадала жена младшего брата Гойко. Когда её мольбы о спасении были отвергнуты, она просила зодчего оставить отверстие для её груди, чтобы она могла кормить грудью своего одномесячного сына, а также отверстия для её глаз — чтобы она могла видеть этого сына. Просьбу Гойковицы исполнили, и она целый год будто бы кормила грудью своего сына Иована. «Как было тогда, — заканчивает песня, — так и осталось: и теперь идет от нее питание — как ради чуда, так ради исцеления жен, у которых нет в грудях молока» (*Караџић* 1895: № 25).

Э. Б. Тайлор в своей книге «Миф и обряд в первобытной культуре» привёл многочисленные свидетельства того, что издревле человеческие жертвоприношения при строительстве были широко распространены в самых различных частях ойкумены, что свидетельствует об их глубокой древности. Более того, он показал, что «гнусные обряды, о которых в Европе сохранилось лишь смутное воспоминание, ещё сохраняют своё древнее значение в Африке, Полинезии и Азии в тех обществах, которые являются если не хронологически, то по степени своего развития представителями древнейших ступеней Цивилизации» (*Тайлор* 2000: 38–40).

Использование руки в качестве счётного устройства является одной из форм архаичного бриколажа. Дифференциация пясти-пасти, неба-нёба при счёте «привело к появлению множества небес» (Топоров 1992: 258). Согласно мифологизированным представлениям, на этих небесах обитают безгрешные люди, каковыми изначально являемся мы. На небесах многие народы размещают целые страны. По христианским представлениям «рай» является районом обитания ангелов и других безгрешных почитателей «Отца Небесного». В раю эти чада соединяются с богом, созерцают его. Таким образом, представления о райской жизни, о «небесах обетованных» возникли не в ходе наблюдения за макрокосмом, а в ходе отражения микрокосма, порождённого исходной формой бриколажа.

Бриколаж позволяет пролить свет на исходный календарь. «Посредством пальцев рук изначально были зафиксированы календарные циклы. В ходе такой фиксации зоны превратились в сезоны и т. д. Касаясь кончиком большого пальца подушечек остальных четырёх пальцев, мы можем познакомиться не только с 12 мышцами, но и с 12 сказочными месяцами, которые могут накормить и обогреть, а также сурово наказать. В. Н. Топоров в статье „Числа“ с полным основанием писал: „В архаичных традициях Ч. могли использоваться в ситуациях, которым придавалось сакральное, ‘космизирующее значение’. Тем самым Ч. становились образом мира и отсюда — средством для его периодического восстановления в циклической схеме развития для преодоления деструктивных хаотических тенденций“ (Топоров 1992: 629). Связь чисел с исходными мерами, мирами, кумирами, божествами более чем очевидна.

Бриколаж позволяет пролить свет и на божественных небожителей. Рассматривая ногти на пальцах (естественных единицах) можно обнаружить астральные символы (нимбы, лунки), которые фигурируют во многих астральных мифах и сказках в качестве братьев, сестёр, супругов, обитателей солнечных и лунных царств. Именно они породили представления о небожителях, о небесных карах, о солнце, которое может пребольно щёлкать, наносить солнечные удары и т. д. По вполне очевидным причинам в разных частях ойкумены зафиксированы мифы, легенды, сказки, в которых говорится о том, что изначально было 10 солнц или 10 лун, которые могут быть братьями, сёстрами. Есть все основания полагать, что они близнецы, поскольку появляются на свет одновременно и из одного чрева».

В архаичной мифологии ярко отразились потенции мифических животных оперировать астральными символами, которые зачастую располагаются на их теле. Эти животные могут проникать в тела друг друга и обитать там. Они могут проглатывать, прятать, добывать светила и т. д. В. Г. Богораз в своих «Материалах по изучению чукотского языка и фольклора, собранных в колымском округе» свидетельствует, что в чукотском мифе Ворон проникает в другую вселенную и похищает у злого духа (келе) мячи — солнце, луну, звёзды (Богораз 1900: № 51). Всё это объяснимо в рамках жестового показа. Все, у кого есть руки, может не только спрятать в кулак светила, звёзды, расположенные на ногтях, но и «звездануть» ими.

Р. А. Агеева в книге «Страны и народы» отмечает, что «в древности у разных народов складывались представления о „блаженных“ странах „золотого века“» (Агеева 2002: 260). Названия мифических и сказочных стран, как правило, связаны с космогоническими представлениями народов древности. Мифическая страна мыслится как место пребывания божественных предков, божеств плодородия, как центр модели космоса, причём в качестве такой модели часто выступает микрокосм, человек.

Ладошки-лодочки матерей породили представления о водных путешествиях в страны изобилия. Античные авторы упоминали об «островах блаженных». Об истоках такого рода верований советский историк Л. А. Ельницкий в своей книге «Древнейшие океанские плавания» пишет: «Происхождение этих утопических идей, связанных с определёнными географическими представлениями, коренится в древних религиозных верованиях, относящихся к культу божеств плодородия, в частности, таких, как греческий Кронос и Римский Сатурн, почитавшиеся царями потустороннего царства блаженных и царями „золотого“ века, некогда якобы существовавшего на Земле и завещанного людям в будущем» (Ельницкий 1962: 76).

Счастливая страна богато представлена и в фольклоре средневековой Европы. Английский исследователь А. Мортон в своей книге «Английская утопия» констатирует, что «у народной Утопии множество имён, она фигурирует под разными образами» (Мортон 1956: 18).

Заключение

Термин «бриколаж», введённый в антропологию К. Леви-Стросом для отражения особенностей мифологизированного мышления, может быть распространён на широкий круг процессов, связанных с генезисом общества и культуры. Учёт бриколажа позволяет понять смысл древних мифологических систем, в которых с исключительной достоверностью отразились истоки человеческого бытия: исконная среда обитания человека, исходный социум, породивший исходную знаковую систему, исходный мыслительный процесс, исходный культурный слой, исходный социальный лифт, обеспечивающий переход от животного существования в социальную жизнь. Изучение бриколажа крайне актуально для широкого комплекса дисциплин, занятых изучением природы человека, общества, культуры.

Научная литература

- Агеева Р. А. Страны и народы: происхождение названий. М.: Армада-пресс, 2002. 320 с.
- Афанасьев А. Н. Древо жизни: Избранные статьи. М.: Современник, 1983. 464 с.
- Афанасьев А. Н. Мифы, поверья и суеверия славян: в 3 т. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastika, 2002. Т. 1. 800 с.
- Богораз В. Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в колымском округе. СПб.: Имп. АН, 1900. 417 с.
- Брагинская Н. В. Небо // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. эцикл., 1992. Т. 2. 719 с.
- Воронцов В. А. Генезис языка, сказки и мифа в контексте антропо-социо-культурогенеза. Казань: Изд. Инст. ист. АН РТ, 2012. 415 с.
- Воронцов В. А. Генезис человека, общества и различных феноменов культуры. Казань: Логос-Пресс, 2023. 320 с.
- Вундт В. Физиология языка / пер. с нем. СПб.: Изд. Н. М. Лиманского, 1868. 42 с.
- Ельницкий Л. А. Древнейшие океанские плавания. М.: Географиз, 1962. 86 с.
- Караџић В. С. 1895. Српске народне пјесме, II. Београд, Štamparija Kraljevine Srbije. № 25. 109–117.
- Кухта М. С. История искусств. Томск: Ид-во Томского политех. ун-та, 2010. 269 с.
- Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.

- Левинтон Г. А. Священный брак // Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х т. М.: Сов. энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 422–423.
- Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 394 с.
- Линдбланд Я. Человек — ты, я и перевозданный / перев. со шведск. М.: Прогресс, 1991. 259 с.
- Лосев А. Ф. Хаос // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М.: Сов. энцикл., 1992. Т. 2. С. 579–581.
- Маковский М. М. Удивительный мир слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. М.: Высш. шк., 1989. 200 с.
- Мортон А. Л. Английские утопии / пер. с англ. М.: Изд-воиностр. лит-ры, 1956. 252 с.
- Построение минарета Дервиш паши // Эолова арфа: Антология баллады. Сост., предисл., коммент. А. А. Гугнина. М.: Высш. школа, 1989. С. 177–180.
- Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во Ленингр. унив-та, 1946. 340 с.
- Ригведа [В 3 т.], ред. Т. Я. Елизаренкова. (Серия «Литературные памятники»). М.: Наука, 1989–1999. Мандалы I–IV. 1989. 768 с. (2-е изд., 1999), Мандалы V–VIII. 1995. 752 с. (2-е изд., 1999), Мандалы IX–X. 1999. 560 с.
- Семёнов Ю. И. Как возникло человечество. М.: Наука, 1966. 576 с.
- Тайлор Э. Б. Миф и обряд в первобытной культуре / пер. с англ. Смоленск: Русич, 2000. 624 с.
- Топоров В. Н. Числа // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. М.: Сов. энцикл., 1992. Т. 2. С. 629–631.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1967. 670 с.
- Фрейд З. Мы и смерть. СПб.: Вост.-Европ. инст. психоанализа, 1994. 25 с.
- Хайдеггер М. Путь к языку // М. Хайдеггер. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1983. С. 279–273.
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Семеновская типолитография (И. А. Ефрона), 1904. Т. 79. 487 с.
- Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М.: Наука, 1987. 526 с.
- Abramsson H. The Origin of Death. Studies in African Mythology. Uppsala: Studia Ethnographica Uppsaliensia, 1954. 420 p.
- Panzer F. Bayerische Sagen und Bräuche: Beitrag zur deutschen Mythologie. München: Cr. Caizer, 1855. Vol. 2. 592 p.

References

- Abrahamsson, H. 1954. *The Origin of Death. Studies in African Mythology*. Uppsala: Studia Ethnographica Uppsaliensia. 420 p.
- Afanas'ev, A. N. 1983. *Drevo zhizni: Izbrannye stat'i* [Tree of Life: Selected Articles]. Moscow: Sovremennik. 464 p.
- Afanas'ev, A. N. 2002. *Mify, pover'ia i sueveriiia slavian* [Myths, Beliefs and Superstitions of the Slavs]. Vol. 1. Moscow: Eksmo; Saint-Petersburg: Terra Fantastika, 800 p.
- Ageeva, R. A. 2002. *Strany i narody: proiskhozhdenie nazvanii* [Countries and Peoples: The Origin of Names]. Moscow: Armada-press. 320 p.
- Bogoraz, V.G. 1900. *Materialy po izucheniiu chukotskogo yazyka i fol'klora, sobrannye v kolymskom okruge* [Materials on the Study of the Chukchi language and Folklore Collected in the Kolyma District]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. 417 p.
- Braginskaia, N. V. 1992. Nebo [Sky]. In *Mify narodov mira. Entsiklopediia* [Myths of the World: Encyclopedia], ed. by S. A. Tokarev. Vol. 2. Moscow: Sovetskaia Entsiklopediia. 206–208.
- Brokgauz, F. A. and I. A. Efron. *Entsiklopedicheskii slovar'* [Brockhaus and Efron Encyclopedia], ed. by I. A. Efron, 1904, Vol. 79. Saint Petersburg: Semenovskaia tipolitografiia. 487 p.
- El'nitskii, L. A. 1962. *Drevneishie okeanskii plavaniia* [Ancient Ocean Voyages]. Moscow: Geografiz. 86 p.
- Fasmer, M. 1967. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. III. Moscow: Progress. 670 p.

- Freud, Z. 1994. *My i smert'* [Us and Death]. Saint Petersburg: Vostochno-Evropeiskii institut psikoanaliza. 25 p.
- Heidegger, M. 1983. Put' k iazyku [On the Way to Language]. In *Vremia i bytie: Stat'i i vystupleniia* [Time and Being: Articles and Speeches], ed. by V. V. Bibikhin. Moscow: Respublika. 279–273.
- Karađić, V. S. 1895. *Srpske narodne pjesme* [Serbian Folk Songs]. Belgrade: Stamparija Kraljevine Srbije. Issue 25. 109–117.
- Kukhta, M.S. 2010. *Istoriia iskusstv* [The History of Art]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. 269 p.
- Levinton, G.A. 1992. Sviashchennyi brak [Sacred Marriage]. In *Mify narodov mira: Entsiklopediia* [Myths of the World: Encyclopedia], ed. by S. A. Tokarev. Vol. 2. Moscow: Sovetskaya entsiklopediia. 422–423.
- Lévi-Strauss, C. 1994. *Pervobytnoe myshlenie* [The Savage Mind]. Moscow: Respublika. 394 p.
- Lévy-Bruhl, L. 1994. *Sverkh'estestvennoe v pervobytnom myshlenii* [Primitives and the Supernatural]. Moscow: Pedagogika-Press. 608 p.
- Lindblad, J. 1991. *Chelovek — ty, ia i pervozdannyy* [Man — You, Me, and the Primordial]. Moscow: Progress. 259 p.
- Losev, A.F. 1992. Khaos [Chaos]. In *Mify narodov mira: Entsiklopediia* [Myths of the World: Encyclopedia], ed. by S. A. Tokarev. Vol. II. Moscow: Sovetskaia Entsiklopediia. 579–581.
- Makovskii, M. M. 1989. *Udivitel'nyi mir slov i znachenii: Illuzii i paradoksy v leksike i semantike* [The Amazing World of Words and Meanings: Illusions and Paradoxes in Vocabulary and Semantics]. Moscow: Vysshaya shkola. 200 p.
- Morton, A. L. 1956. *Angliiskie utopii* [English Utopias]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury. 252 p.
- Panzer, F. 1855. *Bayerische Sagen und Bräuche: Beitrag zur deutschen Mythologie* [Bavarian Legends and Customs: Contribution to German Mythology]. Vol. 2. München: Cr. Caizer. 592 p.
- Postroenie minareta Dervish pasha [Construction of the Dervish Pasha Minaret]. 1989. In *Eolova arfa: Antologiya ballady* [The Aeolian Harp: A Ballad Anthology], ed. by A. A. Guglina. Moscow: Vysshaya shkola. 177–180.
- Propp, V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Historical Roots of a Fairy Tale]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. 340 p.
- Rigveda. The Rig Veda. 1989–1999. Vol. 1–3. Moscow: Nauka.
- Semenov, Yu. I. 1966. *Kak vzniklo chelovechestvo* [How Humanity Appeared]. Moscow: Nauka. 576 p.
- Tylor, E. B. 2000. *Mif i obriad v pervobytnoi kul'ture* [Myth and Ritual in Primitive Culture]. Smolensk: Rusich. 624 p.
- Toporov, V. N. 1992. Chisla [Numbers]. In *Mify narodov mira: Entsiklopediia* [Myths of the World: Encyclopedia], ed. by S. A. Tokarev. Vol. II. Moscow: Sovetskaia Entsiklopediia. 629–631.
- Vorontsov, V. A. 2012. *Genesis iazyka, skazki i mifa v kontekste antropo-sotsio-kul'turogeneza* [Genesis of Language, Fairy Tales and Myth in the Context of Anthropo-Sociocultural Genesis]. Kazan': Izdatel'stvo Instituta istorii Akademii nauk Respubliki Tatarstan. 415 p.
- Vorontsov, V. A. 2023. *Genesis cheloveka, obshchestva i razlichnykh fenomenov kul'tury* [The Genesis of Man, Society, and Various Cultural Phenomena]. Kazan': Logos-Press. 320 p.
- Wundt, W. 1868. *Fiziologiya iazyka* [The Physiology of Language]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo N. M. Limanskogo. 42 p.
- Yuan, K. 1987. *Mify drevnego Kitaia* [Myths of Ancient China]. Moscow: Nauka. 526 p.